

Андрей СОКОЛОВ

НАТАША ШЛАГБАУМ

сборник «ПОТОК СОЗНАНИЯ»

- Нет в доме штангерцикуля, - утром горько констатировала жена. Раньше я, наверное, потух бы. Но теперь, когда уже больше полугода ни капли спиртного, как-то спонтанно решил узнать, что это такое. Конечно, гордыня не дала просто, по человечески, спросить у нее, а, заодно, и зачем он ей нужен. Тихо залез в интернет, но яндекс, подлец, тут же открыл почту, хотя я об этом не просил, и письмо Наташи Шлагбаум с фотографиями участниц конкурса Мисс Снежная Баба в бикини. Подпись информировала, что дело происходит в Новосибирске и мороз с ветром 20 градусов ниже сами знаете чего.

Наташа Шлагбаум на совете Всемирного Форума Холода настаивала на радикальных решениях. - Я их зачем по всей стране собирала, - негодовала она, постукивая себя по лодыжке, обтянутой кожаными галифе, стеклом, - чтобы они просто так час - другой на улице задом повертели, что ли?! Вы посмотрите, какие фигуры! Вот у этой, у четвертой, скажем. Сколько сил на нее ушло. Душевных. И физических. Если разобраться, физических больше. Как в жаркой молодости... Да что говорить. Предлагаю их в последний час Форума облить холодной водой на фоне снежных экспонатов... На тот же час... Ну, или, другой. На два, короче. Иначе смысла нет.

- Нет, никто не спорит, Наташа у нас креативная женщина, - не спеша раскурив трубку Председатель Форума Роман Всеволодович Тасс-Оол, - я сам, лично, за. Тем более, интернет взорвался. Вот, цитирую, Ольга Вячеславовна пишет, (он пустил большую струю ароматного дыма), кандидат филологических наук: «Нашим сибирячкам похую имороз», все слитно. Наверное, всю ночь перед этим Джойса читала. Все так. Но ведь найдутся и противники таких перформансов. Прокуратура, начальник областного УВД... Опять начнутся упреки, подозрения. Надоело, знаете

ли. Искусства нашего они не понимают, да и не поймут никогда. Чего метать бисер...

- Да я что... Мое дело предложить. Тем более, что никаких других конструктивов пока не прозвучало, - немного обиделась Наташа.

- А чего изобретать велосипед, - мудро и тихо сказал Председатель, - давайте, как всегда... Небольшой мобильный бордельеро...

- Вот сколько вас знаю, Роман Всеволодович, не перестаю удивляться традиционности вашего ума. Причем, ведь сами в этот бордельеро еще ни разу не сходили. Хорошо, согласна. Но только тогда бордельеро в снежной иглу!

Тасс-Оол кивнул. Вот он-то как раз знал все наперед. Он знал, что Наташа ночью улетит в столицу на протестные манифестации. Он знал, что снежную иглу этой же ночью осквернят, а потом, как собаки задними лапами, разрушат апологеты «Ну и хрен с ними со всеми», новосибирские байкеры. Что девок уже выписал себе нефтяник одной недалекой области. Он даже знал, что это были его последние деньги, после которых нефтяник повесится, а его старшая дочь, Инна, подружится с профурсетками, и станет через время у них бандершей. И они с триумфом объездят всю страну. Знал, но молча кивнул - «я все сказал». Тасс-Оол никогда не настаивал на трагедиях, но и не делал попыток избежать их.

Моя душа была на стороне одного человека. Мы с ним незнакомы, но я всегда сочувствую гонимым. Что ж здесь такого! Справедливо воскликните вы. Все к этому стремятся. Это так. Но вот жена, страдающая от невозможности осязать в своей руке сейчас же, сию минуту, штангерциркуль, на какое-то мгновение отошла от этой великой гуманистической традиции. Она копалась в счетах и угрожающе бормотала: «Я знаю, куда делись 100 долларов. Ты отослал их этому сладострастному паршивцу Стросс-Кану! Думал, не замечу!»

— Да, - упрямо сказал я, - мы с моим другом Романом Тасс-Оолом твердо решили помочь этому человеку. Стросс-Кан, это тебе не какие нибудь засранки с мешками на головах. Кстати, на Чукотке наши геологи такие мешки с прорезями чукчанкам надевали перед еблей. По их версии, предохранялись. Балаклавы! Наконец-то этот надежный метод докатился до Москвы. И даже ты не сможешь этому помешать.

— Чему? - Потрясенно спросила жена.

— Пусть та, ненасытная, подавится моими деньгами.

— Да не моими! Не моими! Нашими!

— Надо повесить парочку этих наших, - кричала Наташа на своем митинге, - да нет, что парочку. Надо сотню повесить на столбах вдоль проселочной дороги!

Сразу после этих слов треть лидеров незаметно слиняла. Остались только те, кто был повязан финансовыми обязательствами. Но и им стало как-то тоскливо. Кому же охота сидеть несколько дней в паршивой и холодной кутузке. Парни попытались незаметно оттереть Наташу на трибуне. Это было глупо. Наташа, высокая, стройная, сексуальная, затянутая в кожу, била их по головам и плечам своим стеком, и кричала: «Я Наташа Шлагбаум! Я Наташа Шлагбаум! Посадим продажное правительство в ледяные ванны! Каждого! Голого! По одиночке! А меня еще должны изнасиловать в темной камере 108 отделения! Президента в тундру! Голого! 120 километров без каюра! Голого! В упряжке только хаски и Пусси райт! С одной палкой в руках! Гэть сатрапа! Голяком!» Поскольку все присутствующие хотя бы на мгновение представили себе наташины желания, было принято политическое решение митинг прекратить. Но Наташа еще долго стояла перед разбредавшимися охреневшими зрителями.

— Я буду с вами до самого последнего человека, - никак не могла уговориться Снежная королева. Хотя Наташа знала, что говорила. Последний человек, обычно, давал ей пищу, кров, и так, по мелочам. Иногда она задумывалась: может это и есть наша национальная идея? Конечно, многое зависело от контекста. От того, каков он был, этот последний человек. Вся надежда была обычно на его ментальность и свою харизму. Правда, я не знаю, что это такое. Решайте сами. Может быть, просто судьба у человека такая.

Она набрала Тасс-Оола.

— Какие-то они здесь недоделанные все, - жаловалась милому другу, - то ли дело наши, сибирские. Кстати, как они там?

— Да ничего. Вот, сидят, тебя дожидаются.

— Голые, надеюсь?

— Ну, Наташа. А какие же еще!

— Ну - ка включи громкую. Включил? Девки! Подъем! Айн! Айн, цвайн, драйн! Айн! Айн, цвайн, драйн! И чтоб любое желание Романа Всеволодовича...А то скалку заведу. Маршировать еще двадцать минут. Конец связи.

— А недавно в центре мальчишка пропал. Восемь лет. Показывали, пухленький такой, ай я яй, а не ребенок, - волнуясь, говорил Наташе Тема Гусев, высокий кудлатый молодой человек. Это был последний человек.

— Считаете, тоже Президент? - Сурово спрашивала Наташа.

— Ну а кто же еще?! - Снисходительно отвечал Тема. - Его работа.

— Да зачем?

— Наташа, ну вы там в Сибири темные. Давно известно, едят они их, у себя, в Кремле. Такие вот традиции и вкусы. Чтоб я так жил.

— Да ну вас, Тема. Шутки дурацкие.

— Шутки. Какие уж тут шутки. Хорошо, не верите мне, но блогу - то моему верите?

— Блогу? Да, ваш блог не врет, это правда. Так они каннибалы?

— А то. А вкусные, наверное, младенцы, - как-то мечтательно и гнусно сказал Тема.

— Наверное. - Рассеяно ответила Наташа. Но через секунду переспросила. — Что?! Ах ты сучок вонючий!

Наташа била стеком и гнала Тему до метро Маяковская. Дальше его узнали в лицо патрульные полицейские и одобительно продолжили уморительную забаву. Наташа, чуть не плача, медленно побрела одна. Душа ее разрывалась от противоречий. В глазах, натурально, стоял голый Президент, на руках у него сидел белокурый младенец. Мальчишка был одет в дореволюционную матросскую форму, на ленточке бески была надпись «Яхта Штандарт». Время от времени он нюхал какой-то белый порошок, сильно кусал Президента за нос, до крови, отплевывался, и орал противным голосом : « Бульна?! А пошто ты, пес, нас, младенцев, в Америку не пускаш!» В груди Президента плескались тоска и мука. Наконец Наташа остановилась и спросила у прохожего: « А где тут у вас 108 отделение?»

В ушах набирала крещендо джазовая композиция Полины Умрикуст. Но, собственно, слышал-то ее я один. Жена искала в интернете магазин по продаже штангециркулей. Полина взяла верхнюю ноту. Я встал, чтобы не случилось стенокардии.

«Что?» спросила жена. «Думаю, существуют все таки биологические андроиды. Иначе, чем объяснить феномен голоса Полины?!» «Ну да. - Ревниво и необъективно сказала жена. - Эта шалава похожа на субъекта внеземной цивилизации. Зад висит...» «Но как висит!» «Эх. -

Вздыхнула жена. Потом заложила два пальца в рот, свистнула вполне приемливо, хотя я это делаю лучше, и заорала. - Выводи-ка, леший, девок, пусть покажут кой-чего!» На завтра был юбилей певца и трубадура, написавшего эти бессмертные строчки, и жена пошла готовиться к торжеству, умащивать себя маслами- ароматами.

Наташа, сидящая в комфортабельной камере 108 отделения, услышала этот внутренний свист, сбросила с коленей прапорщика Кобляду, и уже через мгновение возглавила группу обнаженных девушек из Новосибирска. Бикини те сняли где-то по дороге. Поэтому кто-то из них уже в полном праве сделал замечание Наташе: «Ты бы, мать, разделась, что ли. Ведь сейчас с контактерами встречаться будем. Не поймут».

«А мне по хрену».

«Ну ладно, потом не говори, что не предупреждали».

«А чо тако?»

«А то, што сожрут и не подавятся. Контактеры же. С другими мирами дело имеют».

«Вы чо, атеистки, чо ли?» Девки молчали.

«Свинство како, - пробормотала Наташа и начала сбрасывать одежду, - раздевайся, одевайся.

Контактеры эти... Атеисты поди».

«Че мать ты там все время бормочешь?»

«Не бормочу. Моя аналитика идет прямо на стол Президенту. Я еще вас, блядей, спасти буду. Такова социальная реальность начала века. Явление типичное и однообразное. Сто лет назад то же самое было».

«Ты то откудова знаешь».

« Знаю. - Отрезала Наташа. - Ты думаешь, кто тогда смену вех инициировал?»

« Кто?»

«Да ты посмотри на меня, шалава малолетняя».

«А. Ну, понятно. А так-то больше тридцатника не дашь».

« Конечно, не дашь. - Довольно улыбалась Наташа. - Кровь-то молодит, или как, а?»

«У тебя така кровь?!»

«Ну, не только у меня. Вы что ж думаете, все эти конкурсы, форумы, просто так затеваются? И у Председателя, да еще у десятка всякой своры. Э, погоди, ты чо, обиделась, чо ли? Нет, вы поглядите на нее. Я, значит, вожусь с вами, силы свои молодые на всякую херню трачу, а они обижаются. Ну, поделится кака-никака Акулинка, или Кульсаринка, своей молодой жизнью, и чо? Это ж тебе не Васяток жрать. Эстетика доминирует. Нет, ну вот ты сейчас у контактеров-то спроси, как это все в космическом масштабе. Тьфу, никто ниче и не заметит. Это ж не 19 век, скалкой там, або поленом. Или вообще мордой в раскрытую печку. Красота! Да. Ниче такого давно уж нет. Хотя, я тебе скажу, девонька, иногда бы и не помешало. Я вот тут с одним гауптштурмфюрером виртуально общалась, так он только головой качает. Говорит, без нового порядка никак не обойдемся. Так они и тогда говорили, что красота спасет мир. Только она у каждого своя. Ладно, чой-то я лишнее тебе раскрываю. Из государственной аналитики. Хотя, все равно ни хрена ведь не понимаешь. Вон, гляди, уже контактеры показались.

— Да что вы заладили, контактеры, контактеры, - вышел вперед от группы мужчин маленький, толстый и лысый, - обыкновенные мы депутаты. Пришли вот на встречу со своим избирателем.

— Ну, раз пришли, так раздевайтесь. - Приказала Наташа. - Хотя, все это как-то странно. Мы-то ведь готовились к неземному контакту.

— Ну и че, - облизал губы толстый, - подготовились?

— А сщас узнаешь!

Спас депутатов от всяческого стресса и истощения мудрый Председатель Тасс-Оол.

— Поглядите на меня. - Укоризненно произнес Роман Всеволодович. - А ведь я тоже мужчина.

— Да ну ладно...- начал было один из депутатов, и тут получил удар кулаком в ухо. - Да я и не сомневался. Но вот женщины обиду держат.

— Так. Давайте их всех в мою личную иглу. Хотели неземных контактов?! Получайте. И предъявы уже не прокатят!

Долго еще стоны, крики - вундебар! - радостные ритуальные заклинания - цо! цо! - и глухие проклятья из Председательской иглы метались по заснеженной равнине, поднимая настроение у местных. Они гордились Председателем, фактом его рождения на их территории. Ну, или, почти на их. Рядом совсем. А как похожи! Как-то Президент решил приземлить свой белосиний лайнер в этом городе. Но на полосе стоял бульдозер. Летчики попросили убрать машину. Иначе как приземлить лайнер-то? А так вот и приземляйте, грубо ответили им диспетчеры. Пусть с парашютом прыгает. Или без. Все о кей, сказал Джон, пролетая мимо девятнадцатого этажа без парашюта. Пилоты в трансе. Боятся начальнику о беспределе доложить. Ну, тут и вспомнили о земле кочевников, с бесшумными стаями коршунов в небе. Я же говорю, рядом совсем. Но на

полосе стоял бульдозер... Короче, не судьба. Председатель, который в молодости был контактером, специально интересовался этим у жителей Дальней планеты. Они подтвердили склонность построения нескольких колец Юпитера к такому развитию событий. «Пусть еще спасибо скажет...» Впоследствии, слоган стал алгоритмом жизни Президента. В принципе, моя жена могла бы у него поинтересоваться, где выгодно и быстро можно купить штангерциркуль. Но у него же какая свора вокруг! Так ничего по человечески и не спросишь, все переиначат. А штангерцикуль позиционируют как запал к водородной. Знаем мы эти штучки! Сплошная поножовщина. Ладно. Что-то я куда-то не туда. Просто иногда жалко его становится. Вот был бы Сталин, ну, или Гитлер, тогда не жалко. Тогда гордость и радость бытия. Недолгого, правда. И это...пайки не всегда вовремя. Но щелчок в башке и энтузиазм, они все перекрывают. Иногда возьмешь «шмайссер» и от бедра - Ленина, Сталина, Гитлера, Карла Маркса, Энгельса... На Никиту пули жалко. Вот те же кочевники его преспокойно ножичком бы приладили. Тьфу ты! Что, снова поножовщина?! Хорошо. А если, опять же, штангерциркулем? Так. Подожди, Наташа. Автор просто устал. Пусть солдаты немного поспят. Слышишь, Наташа, поспят. Боевая подруга. Дождешься, когданибудь прямо на тебе засну. Так что не доводи до греха...Довела. Заснул. Но успел предупредить - ча.

Ча в переводе на Европу это вуаля. Вроде как - все! Все! Сделал дело, гуляй теперь по буфету. Ну а тут контекст стремный. Сделал, не сделал, успел, не успел... или успела, не успела, - это одной ей, одной Наташе, ведомо. И ча иногда как приговор звучит. И она больше, говорит, на это последнее бормотанье, на ча, обиделась. Даже, говорит, полярные летчики себе такого не позволяли. Ну, это, может, и не позволяли. А как застрянешь с ними по погоде в условиях полной полярной ночи на острове Средний в Ледовитом., так натурально дальше потом без штанов летишь. То есть, в штанах, но они уже не твои, они уже у тебя в долг. Конечно, по другому к брюкам начинаешь относиться, когда они в штосс проиграны. Небрежно, кое как. Что тебя, как личность, не красит. Доходит до того, что вернувшись на материк, пилоты отказываются от выигрыша. Дескать, рванина. Да не рванина - судьба. Напоминание, мemento море. Когда обладаешь этим знанием, уже как-то не до брюк. Аллах с ними. Жизнь становится совершенно другой. Вот девки, вот че они голяком по Сибири шастают?! Однако дюжина, если с Наташей. И ведь никто этого не знает. Даже они сами. И это незнание, как победа, которая постепенно превращается в поражение. То есть незнание незаметно становится знанием. Мудрено? А повертись в их стае, повертись. И все уже покажется такой мелочью. Кроме, конечно, французского нижнего белья, которое они во множестве баулов за собой таскают. И жизнь за эти баулы отдадут, если понадобится. И не будут при этом кричать за Родину, за могилу генерала Лебеда. Молча отдадут.

— Зачем ты врешь самому себе, - вполне спокойно вступила в незримый и неслышный переклик душ жена, - девчонки, штангерцикуль...Сколько слов, какая искусная маскировка! А ведь все знают...ну, все, кому надо, что штаны - это жирная точка. Ведь была до этого проиграна крупная сумма долларов, скрупулезно и со жлобским затяжным вздохом собираемая на мою норковую шубу. И теперь ты удивляешься, чего это меня тянет в наташину стаю. Да ходить не в чем стало, вот и тянет. В костюме Евы гопака сбачать. Отдаться Председателю...

— Да ты совсем сдурела, - страшно я на нее закричал, - ты же даже представить не можешь, что творится в его иглу!

— Не могу. Но хочу! Может, тогда, и изменится мое отношение к этому вашему несчастному Стросс - Кану.

— Ладно, - устало ответил я ей, - я постараюсь найти приличный штангерцикуль. Ведь в этом же дело, признайся?

В ответ началась чукотская поземка. Эти леди с Всемирного Форума Холода не дремали. И мое прайвеси их, похоже, не особо волновало. Но Наташа их научила всему. И Председатель даже не догадывался, что происходит во вверенной ему...Полина Умрикуст уже начала показывать весь диапазон. Спазм сжал мою грудь. Близилась развязка.

Конечно, первой почувствовала неизбежный конец Наташа. Всемирный Форум Холода обостряет чувства и инстинкты. Здесь абстрактный гуманизм не проканает. Неизбежный поток должен быть могучим и неумолимым. Наташа сидела у ворот царской конюшни и что-то шептала. Начал собираться народ. В толпе панически кружила ворона-непонятка: что это атаманша делает?! Отрядили делегацию. Мужики вернулись и сообщили: считает регентша. Чего считает - опять вопрос. «А она профилактику проводит в жизнь. Каждой девчонке из верной команды по восемь плетей назначила. Ну, вот и считает. Чтобы аккуратно, значит. Не больше, но и не меньше. Нет, правильно все. Их, если не профильтровать, натерпешься потом. Беременности, болезни страшные, и не страшные, сюда плюсуешь стервозность каждой из десятки. Что в сухом остатке? Ведь не разрешил Председатель на морозе холодной водой облить. Теперь вот хоть что-то предпринимает Наташа. Да и то, далек и долог ихний путь. Дай ей Бог здоровья», - крестились мужики. А рано утром заорал как сумасшедший петух, и через два часа хлынуло нестерпимое солнце.

— Ча, - попрощалась Наташа и пропала из виду. С ней пропали и девушки.

Председатель сидел на полу моей кухни, поджав ноги по-кочевничьи, и трескал уже второй килограмм сала. Шматы он тоже отрезал по своему, традиционно, острым ножиком у ненасытных восточных губ. Сало было выписано мной по интернету из Гуляй Поля. Но сначала я отправил туда жену, к своим махновским родственникам. Она быстро согласилась, так как тема ее диссертации была непосредственно связана с тачанками. По мнению жены, будущего кандидата исторических наук, ездить в них и стрелять из пулемета одновременно, было невозможно. В научном мире назревали скандал и сенсация. Жена настаивала, что тачанка это выдумка Семена Буденного, как и весь остальной бред, им рассказанный уже всему миру. Родственники кавалериста подали в Стратсбургский суд. Но они не представляли, с кем связываются. И суд, и Первая конная, по удельному весу логики и интуиции, никак не могли сравниться с ней. Тут вступали в силу иные законы. Это были законы Мироздания. И только космос... и уже только Божий суд, постановивший, что агностицизм, это ничто иное, как свинство, и уже только святые апостолы не побоялись набросать ей черных шаров на защите.

Председатель Роман Всеволодович Тасс - Оол спокойно прожевал последний шмат, вытер губы рушником, и сказал: «Наверное, в прошлой жизни я был украинцем.» Я перекрестился. Он закурил ароматного табаку, и достал из под себя штангерциркуль.

— Зачем он здесь?

— Жена измеряет толщину вязальных спиц.

Пропищал мобильник. Наташа Шлагбаум сообщала, предупреждала, наказывала, звала, ругалась, сплетничала, интриговала, проклинала, соборовала (за мизер), сбрасывала в колодец вечности, пускала дурную кровь, просто кровь, судила людей судами, светскими и религиозными, расстреливала, миловала, кашляла, выпускала на морозе изо рта теплый пар, звала к гражданскому неповиновению, плакала от умиления от этих радостных и до недееспособности светлых лиц, чертоломила у ворот Думы, порола, клялась на шпигрутах, называла сестрой Конституцию, грела кого-то женским телом, садилась с размаху задницей на радиостанцию, посылавшую в эфир SOS, а потом спасала чьи-то тела и души...

Председатель положил штангерциркуль на место, и тихо вздохнул: «Эх, Русь»